

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЦЕРКОВНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Михаил Викторович Первушин

кандидат богословия, кандидат филологических наук
доцент кафедры церковной истории
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
1609pm@gmail.com

Для цитирования: *Первушин М. В.* К вопросу о методологии преподавания церковно-исторической науки // *Церковный историк.* 2019. Т. 1. № 1. С. 270–281.

Аннотация

Статья посвящена вопросам методологии, встающим перед современными исследователями в области гуманитарного знания, в частности проблемам междисциплинарных связей в церковно-исторической науке и опасности редукционизма. Процесс широкой дифференциации научных дисциплин неразрывно связан с образованием в XIX веке. Такое положение обеспечило бурное развитие науки. Примером служат исторические дисциплины Московского университета. Целый ряд учёных историков высказывался за широкое взаимодействие наук при изучении истории. Задачей исторической науки стало избежать редукционизма, уйти от обособленного, узко понимаемого исторического исследования, практиковать его многонаправленность, то есть интегральность. Освободиться истории от однонаправленности помогает филология. Историк, осмысливающий природу социальной информации, которую он воспринимает через исторический источник (как правило, текст), и, с другой стороны, литературовед, исследующий природу информации, воспринимаемой посредством того же текста, выходят за пределы узкопрофессиональных исследовательских целей и задач, и сближение их исследовательских подходов представляется весьма перспективным. Теории и методология, заимствованные из литературоведения, оказали существенное влияние на современное состояние исторического знания. Чем более широким кругом компетенций будет обладать специалист, тем более качественные исследования он сможет осуществлять в рамках конкретной научной области.

Ключевые слова: междисциплинарность, история, филология, методология, гуманитарные науки.

К моему глубокому сожалению, я не исследователь проблем междисциплинарных связей в церковно-исторической науке, а лишь читатель чужих книг, и могу только поделиться некоторым опытом наведения порядка в собственных (теоретических) представлениях по данной теме. Междисциплинарные исследования в последние годы стали весьма актуальными. Фраза, что «открытия происходят на стыке наук» звучит привычно, даже, как ныне говорят, находится в тренде, со статусом обязательного подхода¹. Междисциплинарность как методологический принцип открывает сегодня новые горизонты и в планировании, и в организации не только научных, но и околонучных исследований. Это — именно та формулировка, под которую легко получить гранты по любой, даже, казалось бы, малоактуальной или вовсе провальной теме.

Особенно сильно призывы к междисциплинарности звучат в тех областях науки, где решаются проблемы, непосредственно связанные с человеком: проблемы человека, культуры, экологии и т. п. К слову, среди дисциплин социально-гуманитарного цикла можно даже провести градацию по степени их междисциплинарности. На первом месте (с максимальной степенью), естественно, стоит философия — думаю, с этой позицией согласятся все. Рядом с философией, и это уже мое личное глубокое убеждение, расположена история, которая по самой своей природе не может не быть междисциплинарной наукой, ведь исторический процесс — явление многоуровневое, в него входят физико-химические, биологические, природно-географические, экономические, социально-психологические, культурно-этические, идеологические и прочие элементы (или, как их ещё называют, детерминанты). Их совокупное действие и создаёт то, что мы называем историческим процессом. Следовательно, описывая ход исторического процесса в том или ином пространственно-временном интервале, необходимо включать в его состав соответствующие закономерности и явления, относящиеся к сферам составляющих его дисциплин (физических, химических, биологических и других). Например, природа радиоактивности, её действие на живые организмы изучается соответствующими разделами физики, химии, биологии, медицины, генетики и т. д. Поиск и объяснением источников естественной радиации занята соответствующая отрасль геологии. Применение данных этих

1 См.: *Копейкин К., прот.* Богословский и естественнонаучный взгляд на онтологическую природу мироздания // *Метафизика*. 2001. № 1. С. 131; *Петров М. К.* Язык. Знак. Культура. М., 1991; *Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 1999; *Смирнов С. Н.* Некоторые тенденции развития междисциплинарных процессов в современной науке // *Вопросы философии*. 1985. № 3 и др.

и других дисциплин в сочетании с многочисленным фактологическим материалом археологии и антропологии Древней Руси позволило разрешить причины высокой смертности женщин высших классов, в том числе жён духовенства; эти факты хорошо известны по событиям псковских споров середины — второй половины XV в., Собору 1503 г. при митрополите Симоне и, как следствие, «Написанию о вдовых попах» священника Георгия Скрипицы².

Но, если внимательно присмотреться к истории науки, такой междисциплинарный подход свойственен каждому серьёзному исследованию в любой научной дисциплине и во все времена, а не только на сегодняшнем интегрально-дифференциальном этапе познания мира, на котором этот подход стали особо примечать по вполне прагматичным причинам. Когда-то с мерками математики и механики к истории пытался подойти И. Ньютон, искавший в книгах пророков дату конца мира, зашифрованную по математическим формулам. Знаменитый физик пересмотрел древнюю хронологию, полагая, что счёт поколений надо вести не по правлениям монархов, а по средней продолжительности человеческой жизни... Да и сама эпитафия на могиле И. Ньютона говорит о междисциплинарности: «...прилежный, хитроумный и верный истолкователь природы, древности и Святого Писания, он утверждал своей философией величие Всемогущего Творца, а нравом насаждал требуемую Евангелием простоту...» Тот же подход исповедовал Фома Аквинский с его утверждением «философия — служанка богословия» или приснопоминаемый И. Ньютон с подобным: «математика — служанка физики». Классическая наука, будь то фундаментальная или общественная, с её дисциплинарным разделением, всегда была связана воедино междисциплинарными исследованиями. Но их значимость не отрицает дифференциации как таковой, но даже предполагает развитие отдельных дисциплин, без которых просто немыслима междисциплинарность³.

2 См.: Написание вдового попа, Георгия Скрипицы, из Ростова града о вдовствующих попах // ЧОИДР. 1848. № 6. Отд. 4. С. 45–54. О соборном решении 1503 г. См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. № 383; ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 49; *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследования и текст. М., 2000. Гл. 77–81; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 1. М., 1900. С. 619–623 и др.

3 Можно признать, что состоявшееся теоретическое знание в классической науке сформировалось всё-таки в особой форме дисциплинарного знания, поэтому наука и дисциплина как понятия нередко не различались и не различаются до сих пор.

Вместе с тем дисциплинарное разделение и наука — понятия не тождественные. Наука возникла до разделения на отдельные дисциплины. Вспомним философию эпохи Платона и Аристотеля, включавшую в себя фактически всё знание — от физики до метафизики: это была единая «эпистема» — наука, дающая знание.

Процесс широкой дифференциации научных дисциплин неразрывно связан с XIX в. Именно тогда сложились представления об отличиях объектов разнообразных наук и типах реальности. Об этих отличиях писал И. Кант⁴, идею дифференциации специально разработал О. Конт⁵. Надо отметить, что дисциплинарное разделение обеспечило в то время бурное развитие наук.

Однако маховик образовательной системы был слишком тяжёл для мгновенного реагирования на такие дисциплинарные разделения. Примером могут служить исторические дисциплины /специальности Московского университета:

- на первой стадии (со дня основания) история была приписана к философии и имелся лишь один «профессор истории для показания истории универсальной и российской, також древностей и геральдики»⁶;
- на второй стадии, с 1804 г.,⁷ появилось отделение словесных наук философского факультета и было уже две с половиной ставки профессора на такие дисциплины, как «Всемирная история», «Статистика и география Российского государства», отчасти «Археология», так как она присутствовала только при изучении «Теории изящных искусств»;
- на третьей стадии, с 1835 г.,⁸ было образовано 1-е отделение философского факультета — историко-филологическое; истории выделили-таки место под солнцем «философии», но профессоров оставалось два: «Российской истории» и «Всеобщей истории»;

4 См.: Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосского. М., 2015.

5 См.: Конт О. Общий обзор позитивизма / под ред. Э. Л. Радлова; пер. с фр. И. А. Шапиро. М., 2011.

6 См.: Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. [М.], 1955. С. 278.

7 См.: Полное собрание законов Российской империи. I. Т. XXVIII. № 21503.

8 См.: Полное собрание законов Российской империи. II. Т. X. № 8337; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II. Отд. 1. СПб., 1864. С. 742–769.

- и лишь на четвёртой стадии, в 1850 г.⁹, историко-филологическое отделение стало самостоятельным факультетом и к уже существовавшим кафедрам исторического профиля была добавлена кафедра церковной истории и введён третий профессор!

Согласно уставу 1863 г.¹⁰ список основных предметов (кафедр) на историко-филологическом факультете Московского университета включал: 1) философию; 2) греческую словесность; 3) римскую словесность; 4) сравнительную грамматику индоевропейских языков; 5) историю русского языка и русской литературы; 6) историю всеобщей литературы; 7) славянскую филологию; 8) всеобщую историю; 9) русскую историю; 10) церковную историю; 11) теорию и историю искусств. Более того, студентам преподавались: 1) статистика, 2) политэкономия, 3) французский и 4) немецкий языки, а также 5) богословие. Те же 11 предметов (кафедр) остались и в Уставе 1884 г.¹¹

На пятой стадии, в 1921 г.¹² историко-филологический факультет введён в факультет общественных наук, в котором были созданы литературно-художественное и этнолого-лингвистическое отделения. И, наконец, только на шестой стадии произошло окончательное разделение истории и филологии: в 1934 г. был образован исторический факультет, а в 1941 г. — филологический¹³.

Возникает масса вопросов: кто обеспечивал то бурное развитие наук, которое пришлось на XIX в.? Кто развивал различные классификации, осуществлял дисциплинарные разделения? Может ли строго дифференцированная (отделённая от всех) дисциплина производить новое знание? Должна ли она являться институтом, в рамках которого готовятся будущие кадры для этой дисциплины? Во-первых, вероятно,

- 9 См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II. Отд. II. СПб., 1876. С. 1133–1134.
- 10 См.: Полное собрание законов Российской империи. II. Т. XXXVIII. № 39752.
- 11 См.: Полное собрание законов Российской империи. III. Т. IV. № 2404.
- 12 См.: Постановление СНК РСФСР «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» от 4 марта 1921 г. (см.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 19. Ст. 117; ЦММ.Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 24–25), а также Постановление НКП РСФСР № 319 об упразднении к 1 июня 1921 г. историко-филологических факультетов университетов (см.: Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 13).
- 13 См.: За пролетарские кадры. 25 июня 1934 г.; Шаронов Ю. П. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (1931–1941). М., 1995. С. 8; Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Ед. хр. 34. Ашхабад. Приказ № 29. 25.12.1941.

открытие нового сегодня не может произойти без серьёзного дисциплинарного разделения, обеспечивающего глубину проникновения в тему. Но всякая выделенная специальность сама по себе не может обеспечить рождение нового знания ввиду слабости отдельных, частных методологий. Дифференциация обеспечивает в достаточном количестве лишь эмпирический материал, а интеграция (та самая междисциплинарность) — методологические подходы к его изучению. Они могут, впрочем, легко привести к редукционизму¹⁴, то есть упрощению, смазыванию качественных различий изучаемых явлений, «соскальзыванию» с одного предмета на другой. При этом опасно не само по себе применение методов и теорий, сложившихся в других науках, а неправомерное расширение сферы их действий, их абсолютизация. Каждая теоретическая схема, каждое понятие, каждый метод, заимствованные из других наук, должны пройти через «горнило методологии»¹⁵ данной конкретной дисциплины.

В борьбе с редукционизмом ещё в конце XIX — начале XX в. произошло методологическое обособление гуманитарных наук, что стало значительным стимулом для их дальнейшего развития, так как освободило исследователей от механистических, упрощённых подходов к общественным явлениям, перенесло акцент на исследование внутреннего мира человека, скрытого от наблюдателя и проявляющегося во внешних, требующих интерпретации знаковых системах¹⁶, что, безусловно, не могло не вызвать особых, специфических трудностей и ещё большей дифференциации общественных дисциплин.

Когда маховик образования был остановлен, перестроен и вновь запущен уже с дифференциацией наук на этапе высшей школы, большинство учёных выступило за новую интеграцию. Мысль о широком взаимодействии наук при изучении истории постоянно отстаивал и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, указывавший на прикладной и отчасти даже технический характер известных ему исторических методов¹⁷, и Люсьен Февр, активно выступавший за новую историческую

14 См.: *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук / пер. с фр. М., 1972. С. 71.

15 См.: *Лотова И. П.* Проблемы междисциплинарности социально-психологических исследований // Развитие методологии междисциплинарных исследований в области воспитания и социализации детей: сборник научных статей / под ред. Г. Н. Филонова, И. В. Усольцевой. М., 2014. С. 117.

16 См.: *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории.* учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 53.

17 См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М., 2006.

науку как науку о человеке¹⁸, и Лев Платонович Карсавин, призывавший к широкому синтезу в методологии исторического исследования¹⁹, и многие другие историки, принадлежавшие к разным историческим школам и направлениям²⁰. Задачи новой исторической науки были не только в том, чтобы бороться с опасностью превращения истории во что-либо иное, нежели она сама (та самая опасность редукционизма), но и в том, чтобы уйти от обособленного, узко понимаемого исторического исследования, то есть той самой дифференциации, практиковать его многонаправленность, то есть интегральность²¹.

Освобождению истории от однонаправленности, буквального следования заложенным в изучаемых памятниках моделям понимания социальной действительности помогла всё та же филология (даже точнее, литературоведение), от которой только-только «отделалось» историческое образование благодаря дифференциации. Литературоведение XX в., в отличие от исторической науки, шло от изучения произведений в их жанровой типологии к более глубокому анализу текста, передаче устной речи в письме, к исследованию восприятия автора и текста читателем и т. п., то есть обратилось к более глубокому исследованию межличностного, межсубъектного общения²². Конечно, историк, работающий с источником, всегда предполагал наличие определённого разрыва, возможного несовпадения смыслов высказывания автора источника и его современного восприятия. Но историческая методология специально не рассматривала этих вопросов и потому не выработала языка, понятийного аппарата, определённых подходов к тексту источника (хотя, надо отдать должное, в позитивистской методологии именно интерпретации уделялось очень большое внимание)²³.

Историк, осмысливающий природу социальной информации, которую он воспринимает через исторический источник (как правило, текст), и, с другой стороны, литературовед, исследующий природу

18 См., например: *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

19 См.: *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 219.

20 И к феноменологической, и к неокантианской, и даже к позитивистской.

21 См.: *Lucas C.* Introduction // *Constructing the Past: Essays in Historical Methodology* / Edited by Jacques Le Goff and Pierre Nora with an introduction by Colin Lucas. Cambridge: University Press, 1985. P. 9–11.

22 См.: *Барт Р.* От произведения к тексту // *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика, поэтика. М., 1994. С. 414.

23 В силу сложившихся стереотипов мышления и образования историков-профессионалов ряда предшествовавших поколений, постановка эпистемологических вопросов застала их, по существу, неподготовленными (См.: *Источниковедение: Теория. История. Метод.* С. 110).

информации, воспринимаемой посредством того же текста, выходят за пределы узкопрофессиональных исследовательских целей и задач, и сближение их исследовательских подходов представляется весьма перспективным. Достаточно вспомнить, например, дискуссии отечественных историков о том, являются ли художественные произведения историческими источниками и какую именно информацию они несут, будучи исследованными в этом качестве.

Таким образом, теории и методы, заимствованные из литературоведения, оказали существенное влияние на современное состояние исторического знания. Впрочем, распространение новых приёмов критики текстов за пределы собственно художественных произведений оказало непосредственное влияние и на методологию литературоведческого исследования.

Однако тут возникли и трудности, в частности опасность редукционизма. Сложившийся в литературоведении подход к тексту предполагает пристальный и глубокий анализ отношения между автором и создаваемым им текстом (субъект-объект) и анализ процесса коммуникации, то есть восприятия текста читателем (объект-субъект). Этот, по сути, феноменологический, философский подход таит в себе неограниченные познавательные возможности, что для исторической науки является скорее отрицательным. Неограниченные познавательные возможности, глубокое и даже бесконечное прочтение текста, причём как исторического источника, так и исторического нарратива, ставит новые проблемы уже перед эпистемологией исторической дисциплины, ибо текст исторического нарратива (или даже источника, которым пользовался историк) даёт только образ реальности! Сама реальность прошлого, её цельность становится недостижимой! Исторический нарратив становится не адекватен прошедшей реальности. Более того, любое готовое правило или направление, которому мы захотим последовать (будь то «теория», «метод», «проблема», «школа»...) останется нашей интерпретацией. А всякой интерпретации можно противопоставить другую интерпретацию. «Любая интерпретация повисает в воздухе вместе с интерпретируемым; она не в состоянии служить ему опорой»²⁴. Наши знания частичны и относительны, потому что являются нашими конструкциями.

Возникают вопросы: возможно ли изучать то, что, по определению, не наблюдаемо? Возможно ли изучать прошедшую реальность научными

24 *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. / пер. с нем., сост., вступ. ст., прим. М. С. Козловой. М., 1994. С. 162.

методами? Если исторический синтез есть только образ, то можно ли говорить о реальных, воспроизводимых результатах познания?

Недоверие к истории сегодня питается пониманием шаткости общих картин в других гуманитарных дисциплинах. Но, на мой взгляд, следует подойти к проблеме с другой стороны. Действительно, согласно подобному подходу, история *не является достоверным учением о прошлом* и не обещает стать им. Но это значит только то, что на неё не нужно возлагать таких надежд. История является *исследовательской практикой* и должна приниматься и оцениваться как таковая. Если «исторический синтез» с определённой точки зрения выглядит утопией, это не умаляет ценности тех знаний о прошлом, которые мы можем получить. Главное, следует попытаться осознать, что «полное знание фактов недостижимо и что единственная доступная нам реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого»²⁵. В результате «у историков появилось стремление видеть в документе, свидетельстве, источнике, то есть в тексте, самостоятельную научную ценность»²⁶. У них появилось понимание того, что именно источник составляет «единственно доступную им реальность»²⁷, то есть фактически они оперируют литературоведческой терминологией и методологией, что пока отчасти спасает положение. Чтобы избежать редукционизма, обвинения исторической науки в необъективности и нерезультативности выводов, чтобы не соскользнуть в топкое литературоведческое болото и продолжить мыслить исторически, историк должен пройти то самое «горнило методологии», о котором уже упоминалось и которое включает: язык, исторический опыт и историческое сознание. На этих трёх опорах стоит сегодня всё междисциплинарное взаимодействие любых отдельных наук:

- первая вербальная опора составляет чёткие границы такого взаимодействия, различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин;
- вторая практическая опора создаёт системы, где нет чётких границ между дисциплинами, которые взаимодействуют между собой, дополняя друг друга, создавая целостную картину, то есть отдельные дисциплины дают ресурсную (опытную) базу для междисциплинарного исследования;

25 Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950года // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 58.

26 Там же. С. 52.

27 Там же.

- третья методологическая опора обосновывает универсальную методологию, которая игнорирует любые границы в науке и которая может быть использована в отдельных дисциплинах (например, марксистская методология или теория вызовов А. Тойнби).

При этом надо помнить и то, что классический тезис традиционной исторической науки позитивистского направления — «Нет истории без документов», — во второй половине XX в. интерпретируется несравненно более широко, согласно междисциплинарному взаимодействию: «Нет истории без эрудиции... историка создаёт не только “призвание”, но и... подготовка»²⁸. Мы пришли к тезису: каждый вклад в сферу человеческого опыта совершается благодаря усилиям отдельного человека, это — всегда своеобразный сплав личного и общественного, субъективного и объективного. Работа в науке не предполагает коллективного «научного метода», а строится на «хороших примерах» научной работы²⁹.

Проще говоря, надо читать книги! Необходимость чтения книг (рукописей) в традиционной культуре была органической потребностью. Произведение, как правило, перечитывалось вновь и вновь в поисках глубокого, не сразу открывавшегося смысла. Навык любой научной работы (и тем более исторической) складывается из умения читать (и, конечно, писать). Идеальной формой работы историка служит книга. Именно книга даёт возможность будущему учёному развить ум и приобрести исследовательский талант, а науку делают люди своим умом и талантом. Нельзя заменить труд и талант «теорией» или «методом», которые всё сделают за тебя; на мой взгляд, этот тезис бесспорен. Хороший учёный сам является потенциальным источником междисциплинарности. Именно такими становились выпускники дореволюционных историко-филологических факультетов.

Так должна ли отдельная дисциплина являться институтом, в рамках которого для неё готовятся будущие кадры? На мой взгляд, нет! Чем более широкого специалиста мы выпускаем, тем лучшим профессионалом он окажется в своей, выбранной, конкретной области. А это уже — проблема образования. И если на филфаках ещё худо-бедно изучают историю в качестве общеобразовательных курсов, то историки лишены филологического образования. Верните историкам литературу, а филологам — историю, и через некоторое время вы увидите целую плеяду

28 L'Histoire et ses méthodes / Samaran Ch. Paris: Published by Gallimard, 1961. P. 5.

29 См., например: Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: Харвест, 2014.

выдающихся учёных-гуманитариев во всех «дифференцированных» областях историко-филологического (интегрального) знания. В этом контексте именно Духовные академии сегодня имеют возможность и должны явить пример междисциплинарного подхода в образовании историков (историков Церкви), которые смогут возродить «дифференцированную» науку в её интегральных методах.

Библиография

Источники

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1836.

Полное собрание законов Российской империи. I. Т. XXVIII.

Полное собрание законов Российской империи. II. Т. X.

Полное собрание законов Российской империи. II. Т. XXXVIII.

Полное собрание законов Российской империи. III. Т. IV.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 6. СПб., 1853.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II. СПб., 1864.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 19.

Литература

Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика, поэтика. М., 1994.

Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета / под ред. М. Н. Тихомирова; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. [М.]: Изд-во Моск. ун-та, 1955.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. / пер. с нем., сост., вступ. ст., прим. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994.

Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 2. М.: Университетская типография, 1900.

Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991.

Емченко Е. Б. Стоглав. Исследования и текст. М.: Индрик, 2000.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т: Ин-т «Открытое о-во», 1998.

Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н. О. Лосского. М.: Академический проект, 2015.

- Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993.
- Конт О.* Общий обзор позитивизма / под ред. Э. Л. Радлова; пер. с фр. И. А. Шапиро. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
- Копейкин К., прот.* Богословский и естественнонаучный взгляд на онтологическую природу мироздания // *Метафизика*. 2001. № 1.
- Кун Т.* После «Структуры научных революций». М.: Харвест, 2014.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
- Лотова И. П.* Проблемы междисциплинарности социально-психологических исследований // Развитие методологии междисциплинарных исследований в области воспитания и социализации детей: сборник научных статей / под ред. Г. Н. Филонова, И. В. Усольцевой. М.: ИСВ РАО, 2014.
- Петров М. К.* Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991.
- Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук / Пер. с фр. М., 1972. *Смирнов С. Н.* Некоторые тенденции развития междисциплинарных процессов в современной науке // *Вопросы философии*. 1985. № 3.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
- Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991.
- Шарапов Ю. П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (1931–1941). М., 1995.
- L'Histoire et ses méthodes / Samaran Ch.* Paris: Published by Gallimard, 1961.
- Lucas C.* Introduction // *Constructing the Past: Essays in Historical Methodology* / Edited by Jacques Le Goff and Pierre Nora with an introduction by Colin Lucas. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.